

Александр Баженов

Бажаник. Семь сфер. Книга XVII. Архитектура Бездны и Света

Александр Баженов

**Бажаник. Семь сфер. Книга XVII.
Архитектура Бездны и Света**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Семь сфер. Книга XVII. Архитектура Бездны и Света /
А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Артем и Алиса сталкиваются с самым страшным испытанием в своей жизни: их пятнадцатилетняя дочь Мира впадает в необъяснимую кому. Медицина разводит руками — мозг угасает, надежды нет. Но старый шаман Айдар открывает родителям иную правду: душа девочки застряла на Пороге, в пространстве между мирами, и увести её во тьму пытается Виктор Ракитин — гениальный хирург, ставший серийным убийцей из милосердия. У Артема и Алисы есть девять часов, чтобы пройти девять кругов ада, найти дочь в ледяном сердце Коцита и подняться через три ступени Рая обратно к свету. Но ад, который им предстоит преодолеть, — не подземелье с демонами, а зеркало собственных страхов, обид и тайной усталости. Здесь медицина говорит на языке эзотерики, а любовь оказывается единственным оружием, способным растопить лёд. Семнадцатая книга серии — это путешествие к самому дну себя и обратно, где каждый круг оставляет шрамы, а каждая ступень требует честности. Потому что рай — не награда, а выбор.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Порог	5
Глава вторая. Сад теней	6
Глава третья. Город раскалённых зеркал	7
Глава четвёртая. Река лжи и зеркала	8
Глава пятая. Ледяное сердце	9
Глава шестая. Сад исцеления	10
Глава седьмая. Библиотека Софии	11
Глава восьмая. Трон Единства	12
Глава девятая. Путь от тени к свету	13
Предисловие автора	14
Послесловие автора	14
Краткий словарь терминов, имён и понятий	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Бажаник. Семь сфер. Книга XVII. Архитектура Бездны и Света

Глава первая. Порог

В которой больничная палата становится вратами в неизведанное, таролог делает расклад, а шаман бьёт в бубен, открывая путь через девять кругов. Знакомство с Виктором Шороховым — хирургом, чья тьма угрожает поглотить душу Миры.

Глава вторая. Сад теней

В которой Алиса в одиночку проходит первые круги, встречает тени великих целителей прошлого, отвергает эликсир забвения и находит во тьме первую искру дочери.

Глава третья. Город раскалённых зеркал

В которой Артем сталкивается с собственными жертвами, искушается сделкой с тенью и получает знание, способное разрушить броню Шорохова.

Глава четвёртая. Река лжи и зеркала

В которой Алиса встречает двойника, говорящего невыносимую правду, и получает таинственное семя — дар из ещё не достигнутого будущего.

Глава пятая. Ледяное сердце

В которой герои достигают дна, Мира восседает на ледяном троне, а Шорохов предлагает ей последний выбор. Одно слово дочери решает всё.

Глава шестая. Сад исцеления

В которой начинается восхождение. Парацельс и Хильдегарда Бингенская врачуют эфирное тело Миры, а Виктор Шорохов остаётся учиться заново чувствовать чужую боль.

Глава седьмая. Библиотека Софии

В которой каждый читает Книгу своей жизни, встречается с собственной тенью и пишет новую главу — кровью сердца.

Глава восьмая. Трон Единства

В которой три голоса сливаются в молитву, Тень растаивает от сострадания, а в больничной палате приборы фиксируют невозможное.

Глава девятая. Путь от тени к свету

В которой шаман, таролог, травница и профессор-скептик пьют чай у лесного озера, Мира произносит слова, исцеляющие страх, а где-то рядом входит в мир новая душа.

Предисловие автора

Послесловие автора

Краткий словарь терминов, имён и понятий

Предисловие автора

«Между Светом и Тьмой нет войны, которую мы помним. Есть только бесконечное пространство выбора, и имя этому пространству — Человек».

— Из трактата «Анатомия Духа»

Дорогой читатель.

Книга, которую вы держите в руках, — семнадцатая в серии об Артеме и Алисе, и, пожалуй, самая необычная из всех. Когда я только приступал к работе над ней, мной двигало не столько желание продолжить сюжет, сколько потребность задать несколько вопросов, которые слишком долго оставались в тени. Что происходит с душой, когда тело замирает на грани жизни и смерти? Как выглядит ад — не тот, которым пугают с амвонов, а тот, что мы носим в себе? И где проходит черта между светом науки и светом духа — или, быть может, никакой черты вовсе не существует?

Так родилась эта история. История о путешествии через девять кругов нисхождения и три ступени восхождения. О встрече с собственной тенью. О выборе, который делает не герой с мечом в руке, а мать, отец и дочь — перед лицом самого страшного из всех искушений: искушения покоем, купленным ценой отказа от жизни.

Внешний каркас романа подсказан великими визионерами прошлого. Данте Алигьери, чья «Божественная комедия» подарила нам образ девяти кругов ада. Эммануил Сведенборг, утверждавший, что ад и рай суть состояния души. Тибетская «Книга мёртвых» с её поразительной картографией посмертных пространств. Каббалистическое Древо Жизни, чьи десять сфер стали для меня основой трёх ступеней Рая. Но при всём уважении к первоисточникам я позволил себе вольность: мои герои проходят этот путь не после смерти, а на пороге, в пространстве, где медицина и эзотерика встречаются лицом к лицу.

Артем и Алиса знакомы вам по предыдущим книгам. Они воины. Они привыкли сражаться с внешней тьмой — и побеждать. Но здесь им предстоит иная битва: не с демонами, а с собственными страхами, обидами и усталостью. Их дочь Мира, пятнадцатилетняя девочка, застряла между мирами, и чтобы вернуть её, родителям придётся не просто спуститься в ад, но и подняться в рай. Придётся встретиться с теми частями себя, которые они долго прятали даже друг от друга.

Особое место в этой книге занимает Виктор Шорохов — врач, ставший убийцей из милосердия. Он не злодей в привычном смысле. Он — зеркало, в котором отражается самый опасный соблазн для любого целителя: соблазн решать за другого, жить тому или умереть. Его судьба — напоминание о том, как тонка грань между светом и тьмой, и как легко перейти её, если руководствоваться не любовью, а страхом перед чужой болью.

Я старался построить повествование так, чтобы у читателя перед глазами всё время были два параллельных плана. Один — больничная палата, где идёт борьба за физическое тело: аппараты ИВЛ, дефибрилляторы, антибиотики, бессонные ночи профессора Маслова. Другой — мистическое пространство, где душа проходит круги ада и ступени рая. Мне хотелось показать, что это не две разные реальности, а одна, увиденная с разных сторон. Что синхронизация

сердечных ритмов и древняя шаманская техника камлания говорят об одном и том же — о неразрывной связи духа и плоти.

В книге много цитат. Они не просто украшение. Это живые голоса тех, кто шёл этим путём до нас — врачей, мистиков, поэтов, богословов. Я позволил себе вплести их в ткань повествования как отступления-размышления, которые, надеюсь, не отвлекут, а помогут глубже прочувствовать природу происходящего.

Вы держите в руках семнадцатую книгу серии, но она задумана так, чтобы её можно было читать и как самостоятельное произведение. Все необходимые пояснения даны в тексте, а для удобства в конце книги помещён краткий словарь терминов, имён и понятий. Там же — послесловие, в котором я делюсь некоторыми мыслями о создании романа.

Я благодарю вас за то, что вы остаётесь с Артемом и Алисой на протяжении всего этого долгого пути. Для меня эта история — не просто череда приключений. Это разговор о самом важном: о том, как оставаться человеком, когда тьма сгущается, и как находить свет, даже когда кажется, что его не осталось вовсе.

И пусть эта книга станет для вас не только увлекательным чтением, но и напоминанием: ад и рай не где-то там. Они здесь. И выбор между ними мы делаем каждый день.

Глава первая. Порог. Младенец и пустота.

Где Тьма целует Свет, там и рождается Порог.

— Из трактата «Анатомия Духа», анонимный автор XVII века

Свет в палате никогда не выключали совсем — только приглушали до мертвенно-лимонного оттенка, словно боялись, что настоящая тьма утащит пациентку за собой. Аппарат ИВЛ дышал ритмично, с металлическим присвистом, и этот звук за трое суток въелся в кости Артема глубже любого шаманского бубна. Он сидел на скрипучем стуле, спиной к окну, и смотрел на лицо дочери.

Мире было пятнадцать. Сейчас ей можно было дать и двенадцать, и сто — лицо спящей не принадлежит времени. Губы слегка приоткрыты, веки сомкнуты не плотно, словно она вот-вот проснется и скажет: «Пап, мне такой сон приснился...» Но аппараты молчали, а графики на мониторах рисовали кривую, которую нейрохирурги называли «эффектом чистого листа». Мозг не умер. Он просто перестал писать свою историю.

Алиса сидела по другую сторону кровати. Ее ладонь лежала на холодных пальцах дочери, и губы едва шевелились — не молитва, нет, она повторяла древние слова, которым научилась у бабки-травницы еще в юности, до всех этих событий, до встречи с Артемом, до войны, которую они вели с тенью в прошлых книгах. Слова были простыми: «Кровь моя — свет, свет мой — дом, дом мой — плоть. Вернись».

Артем перевел взгляд на приборы. Часы на стене показывали третий час ночи — время, когда даже больничные коридоры затихают, а души неприкаянных становятся слышнее.

— Есть новости, — раздался голос от двери.

Вошел профессор Маслов, нейрохирург с тридцатилетним стажем, сухой, как анатомический атлас, человек, который видел смерть чаще, чем иные видят закаты. Он остановился в ногах кровати, держа в руках планшет с последней томограммой.

— Я был бы рад сказать, что мы видим улучшение, но... — Он развернул экран. — Вот здесь, в области таламуса, угасание активности практически полное. Лимбическая система молчит. Образно говоря, душа вашей дочери покинула помещение.

— А если не образно? — тихо спросила Алиса, не оборачиваясь.

Маслов кашлянул. Он знал этих двоих уже много лет — слишком много странных случаев было связано с их именами, чтобы просто отмахнуться.

— Если не образно, Алиса Сергеевна, то я нейрохирург, а не теолог. Моя работа — восстановить проведение нервных импульсов, а не искать душу.

— И потому ты ее не найдешь, — произнес новый голос, глухой и спокойный, как шум далекого водопада.

В палату вошел человек, которого здесь не ждали, но которого Артем и Алиса знали слишком хорошо. Старый Айдар, шаман из предгорий Алтая, носивший поверх больничного халата ожерелье из медвежьих клыков и вороньих перьев. Медсестра за его спиной растерянно мялась: «Он сказал, что вы его вызывали...» Артем кивнул, и сестра исчезла.

Маслов поджал губы.

— Я думал, мы договорились: никаких экстрасенсов в реанимации.

— Он не экстрасенс, — ответил Артем. — Он — проводник.

— Проводник куда?

— Туда, где сейчас наша дочь.

Айдар не стал тратить время на препирательства. Он подошел к монитору, постоял, всматриваясь в бегущие строки, потом перевел взгляд на томограмму в руках Маслова. Его пальцы — темные, узловатые, пахнущие травами и дымом — потянулись к снимку.

— Ты сказал: душа покинула помещение. Это верно. Но вы, врачи, смотрите на тело как на дом, из которого ушел хозяин. А что, если хозяин не ушел — его выгнали? Или он заблудился в коридорах собственного дома?

Маслов хотел возразить, но Айдар уже сделал то, что заставило всех замереть. Он провел пальцем по томограмме — не по стеклу, а по самому изображению мозга — и на пленке проступил знак. Сначала легкий, как след от дыхания на морозе, потом четче: круг, вписанный в треугольник, а внутри — спираль, закрученная против часовой стрелки. Символ, который на санскрите называли «мандалой возвращения», а в европейской традиции — «печатью Софии».

И монитор ожил.

Линия энцефалографа дернулась, словно от удара током, и на мгновение — на долю секунды — вычертила на экране ту же спираль. Потом снова легла почти ровно.

Маслов отшатнулся. Планшет едва не выпал из рук.

— Этого не может быть. Это артефакт записи. Помеха...

— Это был ответ, — спокойно сказал Айдар. — Она услышала. Она знает, что мы здесь. Но она не может вернуться сама.

— Почему? — голос Алисы дрогнул.

— Потому что она не просто спит. Она вошла в состояние Таши. Вы, западные люди, назвали бы это «промежутком между мирами». Тибетцы говорят: «Бардо». Это пространство, где душа пребывает, когда тело еще не умерло, но и не может удержать дух. Она находится на пороге. И порог этот сейчас... замутнен.

Айдар повернулся к двери, словно прислушиваясь к чему-то в коридоре.

— В этой больнице есть еще один спящий. Не в вашей палате. Этажом ниже. Его душа тоже бродит у Порога. И его тьма, как чернила в воде, расплзается по всем ближайшим тропам. Ваша дочь не просто потерялась. Ее тянет за собой чужое зло.

Артем встал. Стул скрипнул, как выстрел.

— Кто?

Прежде чем Айдар успел ответить, в коридоре послышался приглушенный звук телевизора — в комнате отдыха медсестер передавали ночной выпуск новостей. Обрывки фраз доносились сквозь щель:

— ...известный хирург Виктор Шорохов... обвиняется в семнадцати эпизодах эвтаназии без согласия пациентов... называл себя «чистильщиком боли»... при задержании нанес себе скальпельное ранение в область шеи... в коме, состояние критическое...

Артем и Алиса переглянулись. Имя было знакомым — не из личного опыта, но из газетных статей и профессиональных сплетен, которые доносил Маслов. Шорохов был блестящим торакальным хирургом, светилом. Пока не решил, что имеет право решать, кому жить, а кому «уйти без мучений». Семнадцать пациентов — старики, безнадежные, но не безнадежные настолько, как он убеждал себя. Семнадцать смертей «из милосердия». А теперь он лежал этажом ниже, и его душа стояла у того же Порога, что и Мира.

— Вот теперь понимаешь? — тихо спросил Айдар. — Тьма и Свет стоят рядом. Младенец и преступник. Невинность и гордыня. И Порог не различает их. Он просто ждет, кто сделает шаг первым. Если Шорохов найдет путь первым, он утащит ее за собой в то, что вы называете адом. Не по злобе — просто такова природа его искаженного света. Он думает, что помогает.

— И что нам делать? — голос Артема звучал ровно, но в нем уже закипала та холодная ярость, которая всегда предшествовала его самым отчаянным шагам.

— Идти за ней. Пройти девять кругов нисхождения, найти ее в центре льда и вывести обратно через три ступени восхождения. У вас есть девять дней.

— Почему девять? — быстро спросила Алиса.

— Потому что на десятый день мозг твоей дочери, по словам уважаемого профессора, окончательно забудет, как дышать без аппарата. И тогда даже если душа вернется, ей некуда будет возвращаться.

Маслов, который все это время молчал, приходя в себя, наконец обрел дар речи:

— Это безумие! Вы говорите о каком-то мистическом квесте, а я должен обеспечить, чтобы у девочки не начался сепсис, чтобы легкие не заполнились жидкостью, чтобы...

— Именно, — перебил Айдар. — Ты должен обеспечить телу жизнь. Ты — страж на пороге плоти. А мы пойдем дальше. Ты со своим скальпелем и антибиотиками, я со своим бубном и травами — мы делаем одно дело. Просто ты не хочешь этого признавать.

Профессор хотел что-то возразить, но в этот миг Алиса достала из кармана своей кофты колоду Таро. Старую, с вытертыми краями, перетянутую шелковым шнурком. Она положила ее на подоконник и, не спрашивая ни у кого разрешения, сняла шнурок. Карты легли в ее ладони, как живые.

— Если нам идти, то я хочу знать, что нас ждет, — сказала она.

Айдар одобрительно кивнул. Артем просто ждал. Маслов снова замер — сегодня его картине мира нанесли уже слишком много ударов, чтобы он рискнул уйти и пропустить развязку.

Алиса закрыла глаза. Ее губы зашептали формулу, старую, как само Таро: «Мать Света, покажи тропу через тени...»

Она вытянула три карты. Положила их рубашкой вниз на белый подоконник.

Первую перевернула.

0 — Дурак.

На карте был изображен юноша, шагающий к краю пропасти, с узелком на плече и белой розой в руке. Собака у его ног лаяла, предупреждая об опасности, но он, казалось, не слышал.

— Начало пути, — прошептала Алиса. — Невинность. Доверие бездне. Мира.

Она перевернула вторую карту, и в палате вдруг резко похолодало. Запахло озоном, как перед грозой.

XVI — Башня.

Молния ударила в каменную башню, с нее летели вниз две фигуры — король и нищий. Кирпичи разлетались в стороны. Но то, что случилось дальше, заставило Маслова вскрикнуть: по линиям карты, прямо по изображению молнии, побежала алая струйка. Она была настоящей — тонкая нить крови, которая собралась в каплю на краю карты и упала на подоконник. Запахло железом.

— Разрушение, — голос Алисы стал напряженным. — Падение структур. Смерть иллюзий.

— Это не метафора, — тихо произнес Айдар. — Это пророчество. Кровь на Башне — знак того, что разрушение уже началось и оно будет иметь физические последствия. Тьма Шорохова пропитывает Порог. Его башня падает, и обломки летят в вашу дочь.

Алиса, преодолевая дрожь в пальцах, перевернула третью карту.

XV — Дьявол.

Здесь все ожидали увидеть рогатое чудовище, но карта Таро, которую держала Алиса, была старинной, Марсельской школы. На ней была изображена не звероподобная тварь, а существо с лицом, которое по мере рассматривания начинало меняться. Сначала — насмешливое лицо мужчины средних лет, с аккуратной бородкой и умными, пронзительными глазами. Потом черты исказились, и на мгновение Артем узнал в нем лицо — лицо, которое он видел в газетах. Шорохов. Да, это было его лицо, но искаженное мукой, которую он сам причинял другим. У его ног стояли две фигурки на цепях — мужчина и женщина. Но цепи не были заперты. Они просто держались на шеях, свободно свисая.

И тут Алиса услышала голос.

Он звучал не снаружи, а внутри головы, но такой отчетливый, что она вздрогнула.

«Ты думаешь, я злодей? Я — избавитель. Боль — вот истинное зло. Я забираю боль. И твоя дочь страдает. Отпусти ее — и она не узнает страданий плоти. Остайся со мной, девочка...»

— Нет! — вскрикнула Алиса, и карта выпала из ее рук. Она упала лицом вниз, но по ней снова потекла кровь — теперь уже из глаз Дьявола на карте.

В тот же миг мониторы в палате забились в тревоге. Сердце Миры дало сбой. Частота пульса поползла вниз. Маслов бросился к аппаратуре, вызвал медсестер. Началась суэта — капельницы, препараты, команды. Но посреди этого медицинского шторма Айдар стоял неподвижно, как камень.

— Он зовет ее. Его голос сильнее, чем я думал. Времени меньше, чем мы рассчитывали. Девять кругов вы должны пройти не за девять дней... а за девять часов ночного полумрака. С рассветом пути закроются.

Артем схватил шамана за плечо:

— Как нам войти? Что нужно сделать?

— Нужно лечь и умереть на время, — просто ответил Айдар. — Я проведу вас через технику «разделения теней». Ваши тела останутся здесь, и профессор будет их охранять. Но ваши души шагнут в преддверие. Только помните: то, что вы встретите в первых кругах, — это не просто символы. Это живые пространства, сотканные из сознания всех, кто когда-либо грешил или спасался. И Виктор Шорохов уже там. Он такой же странник, как и вы, но он считает свой путь праведным. Это делает его опасным вдвойне.

— Мы готовы, — сказала Алиса. Она подошла к Артему и взяла его за руку. — Мы всегда были готовы. С первой книги.

Маслов, стабилизировав состояние Миры, обернулся к ним. Лицо его было бледным, но в глазах появилось что-то новое — не страх, а понимание.

— Делайте, что должны, — сказал он. — А я буду держать тело. Идите и приведите ее обратно.

Айдар достал бубен. В тесной палате запахло полынью и можжевельником. Он начал бить — редко, глухо, в ритме сердца. Артем и Алиса легли на пол, на заранее расстеленный плащ шамана, расшитый символами перехода. Айдар склонился над ними и запел — на языке, которого не знал никто, но который понимали все, кто когда-либо стоял у смертного порога.

Перед тем как закрыть глаза, Алиса увидела на подоконнике карту Дурака. Она лежала поверх Башни и Дьявола, и белая роза на ней начала светиться мягким, живым светом.

А потом свет погас, и начался спуск.

О природе Порога

Когда-то Эммануил Сведенборг, ученый и мистик, записал в своем дневнике: «Человек носит в себе зародыш ада, но и ростки рая взращивает сам». Он ошибался лишь в одном — эти ростки не просто внутри. Они прорастают вовне, создавая вокруг нас пространства, куда мы попадаем после того, как тело засыпает последним сном. И каждая мысль, каждое деяние — это кирпичик в архитектуре нашего личного ада или рая. Мира строила свои миры из света, и потому они были хрупки. Виктор Шорохов строил из боли — своей и чужой, — и его конструкция оказалась невероятно прочной. Но Порог, где они встретились, не судит. Он лишь зеркало. И сейчас это зеркало треснуло пополам, разделив мир живых и мир теней на две неравные половины.

В одной — младенец, который еще помнит свет, из которого пришел.

В другой — преступник, который убедил себя, что тьма и есть свет.

И где-то между ними — Артем и Алиса, два воина, которые уже давно поняли: нет ни магии, ни медицины по отдельности. Есть лишь единая сила, которая в одной комнате называется реанимацией, а в другой — камланием. И если они не соединят ее сейчас, их дочь останется навсегда в компании человека, который любит смерть больше, чем жизнь.

Так завершилась первая глава. Тишина наступила в палате, нарушаемая лишь писком мониторов и тихим бормотанием шамана, склонившегося над телами спящих героев. Где-то этажом ниже, в палате для подследственных, подключенный к таким же аппаратам, лежал Виктор Шорохов. Его губы шевелились во сне, повторяя одно и то же слово: «Милосердие...» И от этого слова веяло таким холодом, что даже охранявшему его конвоиру становилось не по себе.

А в пространстве Порога, в серой зоне между мирами, уже начал разворачиваться первый круг — Лимб, где неприкаянные души врачей и целителей спорили о том, можно ли спасти тех, кто не хочет быть спасенным. И трое странников — двое живых и один мертвый при жизни — двинулись навстречу друг другу, еще не зная, что эта встреча изменит всех.

Там, где тьма целует свет, рождается не страх — рождается путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.